

Вызима

«Я знаю, возможно, это ниже твоего достоинства, Малек, но не мог бы ты соблаговолить сообщить нам, почему нас низводят до уровня прославленных курьеров, телепортирующих солдат туда и обратно? Очевидно, что наши силы могут быть использованы с большей пользой, чем просто это», — сказал он. Филиппа Эйльхарт с обычной снисходительностью в голосе.

Малек, пятеро его людей и три волшебницы находились в личных покоях Вызимского дворца. Малек и волшебницы только что покинули покои Императора, и все трое получили приказ просто перевезти шестерых солдат в Венгерберг. Больше им ничего не сказали, что вызвало ярость в волшебнице из Монтекальво.

Прошел год, а Филиппу все еще бесконечно раздражало то, что она играла подчиненную роль перед Эмгыром, а теперь и перед Малекком. Получать приказы вместо того, чтобы их отдавать. Быть вынужденным задавать вопросы вместо того, чтобы отвечать на них. Все это было ниже ее достоинства, особенно учитывая, что у нее было больше грубой силы и больше опыта, чем у любого из этих мужчин. Трехсотлетняя волшебница привыкла сама составлять планы и давать указания. Тут же она решила, что будь она проклята, если поворот календаря все еще найдет ее под властью какого-либо мужчины.

Малек действительно был не против, чтобы его непосредственные подчиненные расспросили его о его планах, если это было сделано правильно. При условии, что это делалось уважительно, а не на глазах у больших групп. Ибо это подорвало авторитет и вызвало хаос. И это было неприемлемо. Для всего было свое время и место, в том числе для допроса начальника, чтобы лучше понять детали миссии. Но, по мнению Малека, Филиппа только что нарушила надлежащий протокол.

Он посмотрел на своих пятерых людей и сделал движение головой. Все они немедленно покинули камеру. Затем Малек повернулся к Филиппе. Несмотря на то, что она носила высокие каблуки, он возвышался над ней как минимум на фут. Его левая рука покоилась на навершии меча, расположенном на левом бедре. Его правая рука опустилась и повисла рядом с ножом, привязанным к правому бедру. Хотя, по мнению Фрингильи, это был самый странный нож, который она когда-либо видела. Это был не первый раз, когда она это замечала. Ножны не были плоскими, как это было принято. Он был закругленным и немного громоздким, как будто лезвие внутри тоже было круглой формы. Рукоять ножа также была довольно необычной. Вместо рукояти, идущей на одной линии с лезвием, эта рукоятка была соединена с металлической частью оружия перпендикулярно. Прежде чем она смогла продолжить размышления об оружии, ее внимание вернул к разговору голос Малека.

«Мисс Йеннифэр, мисс Виго, не могли бы вы нас извинить, пожалуйста? Я думаю, что мисс Эйльхарт хотела бы поговорить наедине».

Две волшебницы посмотрели на Филиппу. Ее голова не двигалась, глядя прямо вперед, в сторону Малека. Йеннифэр и Фрингилла просто развернулись и вышли из комнаты, закрыв ее за собой. Как только дверь закрылась, Малек заговорил.

«Мисс Эйльхарт, вы, кажется, думаете, что у вас есть какое-то положение при дворе императора Эмгыра, которое дает вам право допросить меня. Уверяю вас, вы не думаете. Я также могу заверить вас, что какие бы планы вы ни задумали с императором, возможно, даже став его *consigliere*, они потерпят неудачу. Он никогда не выберет тебя вместо меня. Он никогда не выберет тебя, и точка. На самом деле, я думаю, он может доверять тебе даже меньше, чем я».

«О, а что именно я такого сделал, чтобы вызвать такое недоверие? Как будто ты меня вообще знаешь, Малек».

Малек улыбнулся, но эта улыбка не коснулась его глаз.

«То, что ты меня не знаешь, не означает, что я не знаю тебя. Я знаю, что твой любимый цвет — бордовый, что ты любишь спать на левом боку, что ты предпочитаешь сексуальные отношения с женщинами, хотя у тебя есть не стесняйтесь использовать секс как инструмент влияния на любой пол. Ваше любимое блюдо — бараньи ребрышки, чем кровавее, тем лучше. О, и у вас есть... близость к совам». При этом его улыбка стала чуть шире.

«Но это не что иное, как тривиальные факты, касающиеся Филиппы Эйльхарт, Жемчужины двора Третогора. Я знаю, что ты приложил руку к смерти короля Визимира, короля, которому ты присягнул на верность. Я также знаю о твоих делах в Лок Муинне. Поэтому я знаю, что ты не предан Империи. Ты верен только себе. Но даже если бы я этого не знал, я бы все равно тебе не доверял».

"Это так?"

Голос Филиппы был холодным. В тот момент она решила, что однажды убьет Малек. Теперь ей нужно было просто начать планирование.

«Действительно. Я бы не стал доверять тебе просто потому, что ты волшебник. Это происходит из хаоса, и это неестественно. Ты неестественен».

Филиппа усмехнулась. «Магия неестественна для тебя . Поэтому я понимаю твои подозрения. Слабые люди всегда боятся более сильных. Но это не делает магию злой или достойной порицания. На самом деле, я считаю, что ее следует хвалить... и поверьте. для меня это совершенно естественно. Хотите посмотреть?»

Руки Малек крепко сжали навершие меча и рукоять ножа, ожидая, пока Филиппа двинется. Его взгляд был полностью сосредоточен на ее руках. Несколько долгих секунд никто не шевелился и ничего не говорил. Наконец Малек нарушил молчание.

«Много лет назад на улицах Маехта, где я в то время находился, было изуродовано тело», — заявил Малек, не сводя глаз с рук волшебницы. «Затем, вскоре после этого, был еще один. Тела были изуродованы. Разорванные в клочья, залитые кровью, горла были разорваны. По мере того, как трупы накапливались, стало очевидно, что виновник — не человек. Был нанят ведьмак, который смог выследить и убить монстра. Вампира по имени... Экиммара, если я правильно помню.

«Действительно увлекательно. Есть ли в этом смысл?»

«Вы верите, что, поскольку магия заложена в вашей природе , то это делает ее правильной и хорошей . Что ж, в природе экиммара пить кровь... есть плоть... калечить тела. Есть все виды естественных мерзостей».

Еще раз улыбнувшись, Малек заявил: «Думаю, на этом наш урок окончен. Вы уволены, мисс Эйльхарт, и ваши услуги больше не нужны. Я не буду доверять вашему порталу».

ooo

Голубые горы

Иви проснулась в совершенно черной пещере, что ее смутило. Было около полудня, когда она впервые легла на тюфяк. Она знала, что устала, но как долго она спала? После утреннего разговора с Геральтом она вдруг обнаружила, что не может перестать зевать, и это было понятно. Прошлой ночью она поспала всего три часа, в основном из-за беспокойства за ведьмака.

В обычной ситуации она бы немедленно встала и нашла его, но она уже точно знала, где он находится. И это заставило ее улыбнуться. Она чувствовала его теплое тело позади себя и его дыхание на своей шее. Его рука обхватила ее, и она прижала его руку без перчатки к своей груди. Она не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя в такой безопасности и удовлетворении, что заставило ее еще больше улыбнуться. Она определенно могла привыкнуть просыпаться в его объятиях.

"Ты спишь?" прошептала она.

«Нет», — прошептал он в ответ.

"Ты спал?" — снова спросила она шепотом.

Она не была уверена, почему она все еще шепчет, ведь теперь она знала, что он проснулся, но это казалось правильным поступком. Казалось, что разговор нормальным голосом каким-то образом нарушит близость, чего ей не хотелось делать.

«Нет. Но какое-то время я медитировал. Как ты сейчас себя чувствуешь? Тебя долго не было дома».

"Сколько?"

«Я не уверен точно, потому что не вижу здесь луны, но я думаю, четырнадцать или пятнадцать часов».

«О, боже мой».

«Да, ну, это, наверное, больше сна, чем ты спал за последние три или четыре дня вместе взятые. Это были беспокойные несколько дней».

«Твоя жизнь всегда такая?» — спросила она, думая, что уже знает ответ.

"Вообще-то, нет."

"Что?"

«Серьезно. Моя жизнь стала намного безумнее с тобой. Путь, очевидно, очень опасная дорога... и к тому же довольно одинокая. Но, хочешь верь, хочешь нет, но она также может быть довольно скучной».

«Скучный и ведьмак — это не два слова, которые я когда-либо ассоциировал бы вместе».

«Ну, это правда. Нередко можно провести несколько недель без поиска контракта. И такие времена могут быть довольно скучными, просто путешествовать из одного маленького города в другой, а затем в следующий. Правда в том, что я считаю, что пара контрактов в месяц - это довольно хороший месяц. Или, по крайней мере, в настоящее время. Сорок, пятьдесят лет назад повсюду были монстры. Но сейчас Путь - это в основном много простое, прерываемых

двумя или три дня волнения, вызванного контрактом».

«Тогда что ты делаешь со всем этим свободным временем? Я не могу поверить, что ты все время просто сидишь и разговариваешь с Роучем».

Ведьмак улыбнулся. «На самом деле этого много. Но нет, это еще не все. Обычно я тренируюсь каждый день, выполняю упражнения с мечом. Это помогает мне поддерживать физическую и умственную свежесть. Я также каждый день слежу за своими мечами и снаряжением. И днем тоже. Даже если им это не нужно, это хорошая привычка. Еще мне нравится ночью вытаскивать трубку и хорошенько покурить, глядя на звезды и... — Ведьмак вдруг замолчал.

"И что?"

«Знаешь... просто, э-э, обдумываю... ну, всякое такое».

Эви не была душой. Ведьмак явно что-то скрывал.

— Вещи, да? О каких вещах ты думаешь?

Она услышала, как ведьмак разочарованно вздохнул позади нее.

«Все в порядке, Мясник, ты не обязан мне говорить», — поддразнила она с улыбкой на лице. «Я просто подумала, что мы пообещали не хранить секретов друг от друга», — продолжила она притворно плачущим голосом. «Но все в порядке. Я понимаю».

Через несколько долгих секунд ведьмак прорычал: «Черт побери. Отлично».

"Ура." — сказала Эви со смехом.

«Просто пообещай мне, что не будешь смеяться».

«Ну, я не могу тебе этого обещать. Что, если ты скажешь мне — я не знаю — что ты вяжешь крючком розовые пинетки для малышей-вампиров? Как я мог не смеяться над чем-то подобным?»

«Показывает, как много вы знаете, профессор. Не существует младенцев-вампиров. Им всем около тысячи лет».

"Если вы понимаете, о чем я." Когда он ничего не сказал, она сказала: «Хорошо, обещаю, что не буду смеяться».

Ведьмак тихо вздохнул. — Ну, я, э-э... люблю... баловаться поэзией.

Она быстро повернула голову, хотя и не знала почему. Она не могла видеть его в темноте. "Действительно?"

"Ага."

— Как? Как вообще?

Это была сторона ведьмака, о которой она никогда бы не догадалась. С другой стороны, этому человеку было сто лет, и он довольно долго отдыхал. Можно подумать, что у него есть хобби или два. Но поэзия?

Он испустил еще один долгий вздох. «Черт, я не знаю. Наверное, Лютик. Я был рядом с ним слишком долго. Он постоянно пишет тексты к песням или сочиняет стихи. Самое обидное, что он всегда делает это вслух. И, честно говоря... я не думаю, что он настолько хорош. Немного переоценен. В любом случае, однажды ночью я лежал под звездами и думал... насколько это может быть сложно? Итак, я кое-что придумал. Это было не очень хорошо, или вообще по крайней мере, я так не думаю. Но мне понравился процесс».

— Да, что было такого приятного?

На лице Эви появилась улыбка. Ее ведьмак, поэт. Кто знал?

«Ну, это сложно, и, думаю, мне всегда нравились вызовы. Если ты собираешься быть ведьмаком, то тебе лучше. Но... я думаю, главная причина в том, что это позволяет мне творить». Затем он сделал паузу на несколько секунд. «Знаете, вся моя жизнь – весь смысл существования ведьмака – вращается вокруг убийства. Разрушать. И, если честно, у меня это чертовски хорошо получается. Но создавать что-то на самом деле... это гораздо приятнее, чем убивать. И, в некотором смысле, намного сложнее. Я вам этого не говорил, но на самом деле у меня есть виноградник в Туссенте. Недавно приобрел его. Мне пришло в голову просто повесить свои мечи и жить там Постоянно. Провожу свои дни, возделывая землю; выращивая виноградные лозы, оливковые деревья, растения, цветы и овощи; производя вино. Я не уверен, почему, но в этом есть что-то — перспектива создавать, производить что-то на земле — это просто привлекает меня так, как убийство никогда не привлекало. Может быть, потому, что я каким-то образом... не знаю, соединяюсь с Богом?»

"Как же так?"

«Ну, ты знаешь, что я думаю, что высшая сила – Бог – создала все это, верно?»

"Я помню."

«Ну, я думаю о нем как о... «Великом Художнике»... потому что иногда я просто поражаюсь тому, что вижу в этом мире. Я стоял на вершине вершины Ард Скеллиг, смотрел вниз на Великое море и терялся, наблюдая, как волны разбиваются о скалу внизу. В Боклере я сидел рядом с самым чистым и тихим озером на восходе солнца – оно выглядело как зеркало. И когда взошло солнце, я увидел оранжевые, красные и фиолетовые цвета неба. отражался в воде. Казалось, что было два неба, два солнца. Я с трепетом смотрел на девственные, заснеженные, девственные поля Белого Сада. Как будто само творение рассказывает нам о нем.

Показывая нам, какой он невероятный художник. И это только самое главное. Подумайте обо всех мельчайших деталях, о которых он думал. Просто подумайте о нас, разумных существах, и обо всех деталях, которые вошли в это творение. Он не должен дать нам способность видеть цвета или чувствовать запахи, такие как ваниль, — «услышав это, Иви не могла не улыбнуться», — или пробовать все ароматы, которые он создал, или слышать, как птицы поют свои песни. или дать нам возможность создавать музыку, или ощущать ощущение мягких губ на щеке, или что-то еще. Он мог бы создать серый, без запаха, безвкусный, монотонный, унылый, унылый мир. Но он этого не сделал. Как я уже сказал, он потрясающий творец. И я думаю, что работа на моем винограднике просто, я не знаю, позволит мне соединиться с ним и его творением так, как убийство монстров никогда не позволит».

«Ты странный человек, Геральт из Ривии», — заметила она с улыбкой.

Если бы Эви могла его увидеть, она бы увидела на его лице удивленное выражение. «Ну, я знаю, что это так, но почему ты так говоришь?»

«Ну, признай это, Геральт... ты циник. Ты определенно видишь кружку наполовину пустой, а не наполовину полной. Итак, для того, кто так быстро указывает на зло и тьму, обнаруженную в человечестве и обычно говорит его взгляд на трагичность, иронию, тщетность жизни, удивительно, что вы даже способны, а тем более желаете, видеть красоту в мире».

Геральт медленно кивнул головой. «Да. Но... это просто другое. Я не понимаю, как все этого не видят. Как можно лежать под одеялом из миллиона звезд или смотреть, как под ними плавают огромный кит, когда они плывут на лодке от побережья Спикерога, или увидеть пятидесятифутовый водопад, впадающий в кристально чистую реку внизу, капли воды создают на поверхности маленькую радугу, и не просто трепетать перед его творением? Мне пришлось бы быть слепым, чтобы не видеть это.»

«Ну, возможно, именно это отличает тебя от других».

"Что ты имеешь в виду?"

«В этом мире много людей, которые просто смотрят. На самом деле, я бы сказал, что большинство из нас проживают всю свою жизнь, просто... просто глядя. Но мы никогда не видим по-настоящему. Мы никогда по-настоящему не воспринимаем то, что находится прямо перед нами. действительно замечать это, ценить это. Я думаю, это потому, что большую часть времени мы слишком сосредоточены на том, чего у нас нет, а не на том, что мы делаем... Я думаю, что по-настоящему видеть — это редкий дар».

Затем она прижалась к ведьмаку поближе и улыбнулась. «Все те места, которые ты упомянул — горные вершины, тихие озера, заснеженные луга... Я хотел бы однажды посетить их с тобой».

— Да? Думаю, мне бы тоже этого хотелось, — ответил ведьмак, сжимая ее крепче. "Много."

«Знаешь, я точно знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь о радости творчества», — продолжила Иви. «Я написал несколько статей, которые были опубликованы. Даже вышла пара книг — правда, это строго академические тексты, которые читают только другие ученые. И, как и вы, я просто наслаждаюсь процессом. Даже если никто если бы я когда-нибудь прочитал то, что я написал, я бы все равно это сделал. Но мне очень нравится, когда кто-то говорит мне, что то, что я написал, было интересным, занимательным или заставляющим задуматься. Когда я пишу что-то, что нравится кому-то другому, это похоже на вас сказал... как будто я каким-то образом сделал мир немного лучше, каким-то образом прибавил к нему.»

«Да, ну, об этом я не знал. Я никогда ни с кем не делился своими стихами».

— Ну, тогда, Геральт... ты знаешь, о чем я тебя спрошу дальше, да?

«Ни за что. Они... ну, они никуда не годятся». Он собирался сказать, что они были «личными», но понял, что это не было законным оправданием... потому что он не хотел ничего скрывать от этой женщины.

— Пожалуйста, — спросила она глупым тоном.

«Хорошо. Хорошо», — сказал он в конце концов с притворной покорностью.

"Ура!" сказала она еще раз. «Хорошо, я готов».

«Название стихотворения... «Страдание».

Внезапно Геральт услышал хихиканье Эви.

«Какого черта? Ты уже смеешься? Я сказал тебе только название».

«Я не смеюсь над тобой. Я смеюсь вместе с тобой».

«Да, ну, я не смеюсь».

— Ладно, ты прав, но ладно, Геральт... ты должен признать, это смешно. Я имею в виду, правда? «Мизери?» Это так... ты ».

А потом она не смогла больше сдерживаться и громко рассмеялась. Как бы ему ни хотелось разозлиться на нее, ему нравился этот звук. Он тут же решил, что с радостью стал бы объектом ее веселья, если бы мог продолжать слышать ее смех с такой безудержной радостью.

«У вас есть еще один под названием «Цинизм» или как насчет «Проклятый» или «Черт побери»? Теперь она не могла перестать смеяться.

— Ты закончил? он спросил. Сейчас он не собирался признавать, что у него действительно есть стихотворение о проклятии.

Эви задыхалась. «Подожди, еще один. А как насчет «Скупца»?» Она еще немного посмеялась, прежде чем наконец сказать: «Хорошо. Теперь я закончила». Но она все равно продолжала смеяться.

Геральт ничего не сказал. Спустя некоторое время ее смех наконец утих.

— Ты же не собираешься дать мне это услышать сейчас, не так ли?

"Неа."

"Да, вы будете." И он знал, что она права. Он сдастся... в конце концов.

«Нет. Ты упустил свой шанс», — грубо заявил он. Но она чувствовала улыбку на его лице.

Она вздохнула.

— Ладно, ведьмак. Я не буду на тебя давить... А теперь позволь мне встать, пожалуйста. От всего этого смеха я чуть не обмочился в штаны.

ooo

Венгерберг

Малек сидел во главе длинного стола в штабе нильфгаардского гарнизона. Вокруг стола сидели шесть нильфгаардских офицеров местного гарнизона и пять специально подобранных солдат из его собственного специального отряда, которым он командовал и обучал. Он информировал их всех о предстоящей миссии. Перед каждым висел экземпляр объявления о розыске профессора Эванджелины ВандерБош.

«Вы поделитесь этим плакатом со всеми своими людьми. Убедитесь, что они запомнили ее лицо в интимных деталях... потому что ей нельзя причинить вред. Если ее убьют, то я впоследствии совершу суммарную казнь этого человека и его всю цепочку подчинения за прямое неподчинение приказам. Ибо в этой миссии будет порядок. Поэтому, пока мы не

доберемся до нашей цели, я бы рекомендовал, чтобы ваши люди не смотрели на ее фотографию, а затем закрывали глаза и мечтаю о ней. Надеюсь, я все ясно выразил.

Малек не повышал голоса, не стучал кулаком по столу, не стоял и не возвышался над мужчинами. Ничего из этого не требовалось. Одного его присутствия было достаточно, чтобы напугать.

"Сэр?" — спросил один из командиров местного гарнизона.

— Да, ван Стрихен?

«К сожалению, она выглядит довольно обычной... обычной. Если только она не поднимет волосы так, чтобы мы могли видеть ее уши... ну, мне не хотелось бы потерять голову, если один из моих людей случайно примет ее за Аэн Сейдхе. Есть ли у нее какие-нибудь отличительные черты, которые я мог бы передать своим людям?»

«Хотелось бы мне сказать тебе, что у нее длинная нога или хвост суккуба, но, увы, нет. Хотя, возможно, у нее есть что-то столь же узнаваемое — ведьмак. И один из некоторых известных».

Другой офицер поднял руку.

— Да, Перре?

«Этот ватт'герн... как мы его опознаем?»

«Ну, если кошачьи глаза, два меча на спине и ведьмачий медальон вас не подсказывают, тогда поищите его седые волосы и длинный шрам на лице. Не могу себе представить, что вы сможете найти Aen Seidhe, соответствующий этому описанию. Он также будет стрелять огнем из ладони и владеть мечом с исключительным мастерством», — добавил Малек с легкой улыбкой. «Я уверен, что вы и ваши люди смогут узнать его. Найдите его, и вы сможете найти мисс ВандерБош совсем рядом».

«Сэр, нам разрешено убить его?» — спросил другой.

«Разрешено? Если необходимо. Он помогает известному преступнику. Способен? Сомнительно. Но не бойтесь, вы не призваны убивать ни его, ни кого-либо еще, даже Эн Сейдхе. Насколько я знаю, они сломались никаких законов. Нас действительно интересует только мисс ВандерБош, человек, обвиняемый в измене Империи».

Незаметно для всех мужчин, находившихся в комнате, на крыше здания штаба, прямо над открытым окном, безмятежно сидела обычная серая сова. Как только Малек закончил отдавать приказы, сова тут же улетела.

ooo

Голубые горы

— Геральт, могу я задать тебе вопрос? — спросила Иви между кусочками хлеба и жареного мяса.

«Конечно», — ответил убийца монстров.

Они сидели бок о бок перед костром, на котором Геральт только что зажарил убитую им ранее днем птицу. Ведьмак также принес седла своих скакунов, и они использовали их, чтобы

откинуться на спинку кресла и расслабиться. Когда Иви вернулась с прогулки на природе, Геральт уже разжег огонь и готовил для нее вечерний ужин.

«Вы упомянули, что никогда раньше не сталкивались с цирнабаугами».

"Ага."

«Ну, ты когда-нибудь встречал призрака, подобного тому, что в лаборатории?»

— Нет, даже близко.

«Что отличало его?»

«Ну, я могу рассказать вам, чем все было по-другому, но я не могу объяснить, почему все было по-другому».

"Хорошо."

«Ну, призрак — это дух или душа человека, который по какой-то причине застрял в этом мире после смерти. Это может быть потому, что он таит в себе сильное раскаяние, гнев или печаль. Но я не могу полностью объяснить, как такое случается. Я должен верить, что гораздо больше людей, умирающих от раскаяния или печали, не превращаются в призраков, чем на самом деле. Поэтому я не знаю, почему некоторые делают это, а некоторые нет. Это немного загадка. Но, несмотря на это, по моему опыту, призрак всегда состоял только из одной души. Я никогда не видел, чтобы несколько душ когда-либо группировались вместе таким образом. И я также никогда не видел, чтобы призраки были способны стрелять огнем или любым другим типом снарядов». После паузы он продолжил. «Знаете, если бы бестиарии все еще создавались, я мог бы написать пару записей о том, что увидел сегодня. Меня тоже можно было бы опубликовать. Тогда вам пришлось бы начать называть меня «Профессором» » .

— Верно, профессор Геральт. Иви улыбнулась, но затем продолжила. «Если вы никогда не сталкивались с призраком с кластерной душой, то откуда вы знали, какие ритуалы позволят ему двигаться дальше? Просто обоснованное предположение?»

«Нет. Оно общалось со мной».

— Оно говорило с тобой?

«Нет, не совсем. И вот еще кое-что, что отличало его. Я встречал призраков, которые могут говорить. На самом деле, это не так уж и необычно. Но этот не говорил. Но он мог посылать образы в мой разум. Почти телепатия».

«Ух ты. Итак, это показало то, что тебе нужно было знать?»

«Да, но более того. Он показал мне изображения того, что происходило в той лаборатории. То, что они сделали с телом Къезы. То, что они сделали с телами зародышей после их смерти. Просто бросили их в ведро, типа они были просто мусором. Я никогда не видел, куда они их забрали, но я очень сомневаюсь, что их похоронили должным образом».

Через мгновение, когда Эви не ответила, Геральт посмотрел на нее. Она просто смотрела на пламя костра, слезы катились по ее лицу. Он переместил свое тело рядом с ней. Когда он обнял ее, она наклонилась к нему, положив голову ему на грудь.

«Извини. Не стоило об этом упоминать. Хочешь, чтобы я прекратил об этом говорить?»

Она покачала головой и вытерла слезы одной рукой.

«Нет, мне все еще любопытно», - ответила она. «Если он показал вам эти изображения, то он, должно быть, присутствовал, когда происходило все это... зло. Так почему же тогда он просто не сжег эти три рядом с началом, прежде чем погибло так много других?»

«Лучшее, что я могу предположить, это то, что души на самом деле не адаптировались - группировались вместе и каким-то образом приобретали свои огнемётные способности, пока не появился цирнабауг. И я не думаю, что цирнабауг проявлялся до недавнего времени, только после десятков и десятки плодов умерли».

Он почувствовал, как она кивнула головой ему на грудь.

«Этот эльф, Йорвет, вошел с тобой, не так ли?»

— Да. Откуда ты знаешь?

«Когда мы все стояли за воротами и ждали тебя, никто не мог его найти. И многие его искали. Судя по всему, он был каким-то лидером. Многие на него равнялись».

Затем Геральт рассказал ей о жертвоприношении Йорвета с цирнабаугом и о том, как он улыбался, падая насмерть.

«Улыбается? Как ты думаешь, почему он улыбался?»

Геральт вздохнул. «Он сказал мне, что помогает мне в качестве покаяния. Я думаю... я думаю, он планировал умереть».

«Покаяние? За что?»

«Я не знаю точно, но я думаю, что это касается Къезы. На одном из изображений, которые мне показали души, был он. Он был один в лаборатории, стоя на коленях, сразу за магическим барьером, защищавшим ее. Его голова был склонен, и слезы текли по его лицу. Я никогда не видела его таким. Никогда. Он выглядел... совершенно разбитым. Он говорил с ней, но я не слышал, что он говорил. Честно говоря, я рад что я не мог. Не думаю, что хочу знать, как именно он был замешан. Я предпочитаю помнить его таким, каким он был в конце. Бежать по портику... прыгать на спину цирнабауга... эту покрытую шрамами улыбку на его лицо. Этого эльфа я хочу запомнить».

«Это ирония», — заявила Иви через мгновение.

"Что такое?"

«Если бы он действительно раскаивался, то скопление душ простило бы его, как они это сделали с Нуремелем. Его раскаяние могло бы оправдать его. Ему не пришлось бы умирать».

Геральт долго молчал, затем покачал головой. «У меня такое ощущение, что он рад, что все разрешилось так, как получилось».

"Почему так?"

«Даже если бы души простили его, я не думаю, что он когда-либо простил бы себя».

Ведьмак почувствовал, как Эви слегка кивнула головой, прижавшись к его груди. — Он был твоим другом?

«Если бы вы спросили меня два дня назад, я бы сказал нет. Но да... я думаю, что да».

— Тогда мне тебя жаль, Геральт. Она обняла его за талию и крепко обняла.

ooo

Вызима

"Кровавый ад!" Филиппа выругалась.

На лице Йеннифэр появилась легкая ухмылка, но лицо Фрингильи, как обычно, было каменным. Прошли годы с тех пор, как она позволяла кому-либо распознавать ее мысли или эмоции по выражению ее лица. Это была слабость. Тот, который она приложила большие усилия и усилия, чтобы исправить.

Филиппа стояла перед своим мегаскопом. В третий или четвертый раз за последние двадцать четыре часа она попыталась - и безуспешно - связаться с Идой или Франческой. Мало ли она знала, что Ида была мертва и что кристаллы мегаскопа Франчески, которые она оставила во дворце, когда бежала, были повреждены морозными температурами, вызванными цирнабаугом.

"Очень хорошо." Затем Филиппа повернулась к остальным. «Я просто телепортируюсь во дворец, чтобы обсудить дела с нашими сестрами».

«Вы готовы вызвать гнев Малека?» — спросила Йеннифэр, и на ее лице больше не было легкой улыбки.

«Он вызвал мой гнев. Его — всего лишь пустяк. Помните, что магия, а не Нильфгаард — это то, что важно здесь и сейчас, и чем бы этот историк ни обладал или ни знал, в наших интересах сначала получить это. К черту последствия».

Йеннифэр начала сожалеть, что когда-либо слушала Филиппу все эти месяцы назад в ее коттедже. Сожалел, что снова оказался втянутым в махинации Филиппы. Тем осенним утром она надеялась, что союз с Филиппой и Империей поможет ей обрести цель и отвлечься от Цири. Она надеялась, что целью будет отомстить за смерть Риты на поле боя. Однако быстро стало ясно, что отомстить будет практически невозможно.

Контрмеры реданской армии против магии были просто слишком мощными. Вскоре она обнаружила, что более или менее бесполезна на поле битвы против них. Казалось, что никогда больше не будет такой битвы, как битва на Содден-Хилле, где маги обрушивали на своих врагов огромные волны магии. Технологии и наука немагических пользователей просто адаптировались и догоняли их. Если магам суждено было стать продуктивными членами общества, она знала, что им придется найти другие способы добиться этого, а не просто стать мощным военным инструментом в бою. Возможно, пользователям магии вообще не следовало участвовать в войне, и им следовало сосредоточить свои таланты в других областях, таких как медицина, инженерное дело и сельское хозяйство. Но эти мысли были для другого раза.

Чем дольше Йеннифэр сидела в тени, ничего не делая, тем больше пламя мести внутри нее начало угасать. Особенно когда она поняла, что даже толком не знает, кто несет прямую ответственность за смерть Риты. О, конечно, она могла бы сказать, что это были реданские

военные. Но это была слишком широкая цель. Для мести нужна была конкретная цель – например, сам Радовид. Но чем больше она об этом думала, тем меньше ее интересовала месть. И это потому, что месть не вернет того, чего она хотела больше всего на свете, – Цири.

Все, чего она когда-либо хотела в жизни, — это стать матерью, и она сделала все, что могла, чтобы вылечить свое бесплодие. Но ничего никогда не получалось. Но тут вмешалась судьба, положив в ее жизнь маленькую Цири. Хотя у Геральта и Цири возникла особая связь, она знала, что никто никогда не любил Цири так, как она. И даже год спустя боль не исчезла. В этот момент она поняла, что у нее совершенно нет желания больше участвовать ни в планах Эмгыра, ни в планах Филиппы. Как и ее бывший возлюбленный, ее никогда по-настоящему не интересовали скользкие схемы, встречающиеся при королевских дворах или советах магов. А теперь они интересовали ее еще меньше. В тот момент все, чего ей хотелось, — это вернуться в свой коттедж на окраине Венгерберга. Она посмотрела на Фрингилию, но, как обычно, ничего не смогла прочитать по ее лицу.

ooo

Голубые горы

Иви все еще сидела на боку ведьмака, наблюдая, как пламя огня танцует и мерцает, а дым поднимается к потолку пещеры. Для нее это был невероятно эмоциональный день. Во-первых, ужасающий страх, который она испытывала, думая, что Геральт был ранен или убит; затем увидев ужас лаборатории на третьем этаже, зрелище вернуло ей самые болезненные воспоминания; наконец, наблюдая, как Крысиное Лицо умирает у нее на глазах. Каким бы презренным он ни был, она не хотела этого видеть. Она чувствовала себя избитой. Но, лежа рядом с Геральтом, положив голову ему на грудь, она слышала биение его сердца и очень медленное дыхание, и ее как-то утешало, что он был рядом с ней. С ним она чувствовала себя в безопасности. И она поняла, что хочет, чтобы он знал.

«Геральт?»

"Да."

«Почему ты... почему ты не спросил меня?»

Через мгновение он спросил: «О вашем ребенке?»

"Да."

«Иви, я хочу знать о тебе все – твои мечты и надежды... твои кошмары и страхи, твои... лучшие дни и твои худшие воспоминания. Но я... я хочу быть чувствительным к твоей боли. ваше время."

«Ну... я хочу, чтобы ты знал».

— Хорошо, — сказал он, кивнув. «Тогда я здесь».

Она долгое время не говорила ни слова. На самом деле так долго, что Геральт подумал, что она либо передумала, либо уснула. Наконец она заговорила.

«Я встретил Клода, когда мне было двадцать четыре года. Я только начал работать над получением ученой степени по истории в Оксенфуртской академии. Он изучал археологию, поэтому мы провели несколько занятий вместе. Он, я и несколько других студентов начали

исследование В тот первый семестр мы довольно быстро собирались в группы. Мы встречались один или два раза в неделю, чтобы просматривать конспекты, обсуждать лекции, готовиться к экзаменам.

Это тоже стало чем-то вроде социального клуба. Казалось, что многие вечера мы В конечном итоге я окажусь в "Алхимии" или "Библиотеке", попивая пинты пива и разговаривая обо всем, кроме истории. Он был взят со мной с самого начала. Я имею в виду, это было очевидно. Но я никогда не чувствовал к нему ничего подобного. Однажды он пригласил меня на свидание, в Конец того первого семестра. И мне не хотелось отказывать ему - я не хотел разбивать ему сердце - но я также должен был быть честен в своих чувствах.

Он пошел домой, чтобы навестить своих родителей на зимние каникулы, и я Я волновалась, как он поведет себя, когда вернется, боялась, что он будет относиться ко мне по-другому, что будет так неловко, что наша маленькая группа друзей распадется. Но он этого не сделал. Он был все тем же старым Клодом. Добрый и внимательный. Всегда с рукой помощи. Всегда первый, кто дает вам свои записи. Но время от времени я поворачивал голову и ловил его взгляд на мне. Я мог на мгновение увидеть боль и... тоску, которая все еще присутствовала, но он всегда быстро улыбался и скрывал свои чувства.

«Затем, следующей осенью, ко мне пришел дядя Малек. Он рассказал мне, что маму и папу убили две недели назад. Мы сидели за кухонным столом в моей квартире, и он рассказывал мне подробности о похоронах, расследовании и такое. Я не помню, что он сказал, потому что я просто начал терять сознание. Я помню, как думал снова и снова: "Я один. Я совсем один".

«Клод был лучшим в течение следующих нескольких недель. Хороший друг. Постоянно приходил ко мне поведать. Не позволял мне просто сидеть взаперти в моей квартире. Даже предложил проехать со мной весь путь до Виковаро. посетить могилы моих родителей.

«Однажды ночью, в своем горе, одиночестве и... эгоизме, я повернулась к нему. Даже не думая о том, что может случиться. Или просто не заботясь. Впоследствии он решил, что мы пара. Но я все еще не любила его. И Я... я просто чувствовал себя таким виноватым... таким виноватым за то, что использовал его вот так... за то, что причинил ему боль... снова. Но, опять же, он не рассердился и не устроил сцену. Он просто сказал, что понял, что он всегда будь моим другом.

«А потом я узнала, что беременна. Я до сих пор помню выражение его лица, когда я сказала ему об этом. Его лицо осветилось самой радостной улыбкой. Но я была совсем не радостной. На самом деле, я была опустошена. помните, как вы повторяли снова и снова: "Я не хочу этого, я не хочу этого. Я хочу, чтобы это исчезло".

«Клод вернулся позже в тот же день с дешевым медным кольцом, опустился на колени и сделал предложение. Я до сих пор помню выражение его лица тогда. Это выражение уязвимости, которое было частично надеждой, частично страхом. хороший человек. Самый добрый человек. Но я не любила его. Но я все равно сказала да... потому что это то, что ты должен делать, верно?

«Шли дни и недели, мое сердце изменилось. Не к Клоду, а к нашему ребенку. Я поняла, что ношу эту маленькую жизнь внутри себя. И что я больше не буду одна. Я поговорю с ним. и спеть ему, и Клод тоже будет. Я узнала его, просто основываясь на его движениях и пинках. Я узнала, какие мелодии ему нравятся больше всего, как он вел себя по-разному в зависимости от еды, которую я ела. И я знаю, что он тоже узнал меня, знал звук моего голоса.

«И вот однажды начались схватки. Мы были полны волнения, направляясь в клинику. И я

начала процесс родов, но вскоре поняла, что что-то не так. Мой сын... мой маленький мальчик... был мертворожденным.

«Врач и медсестра перерезали пуповину и обмыли его. Смыли с него всю кровь, завернули в одеяло и положили мне на руки. И хотя мой Жюльен был мертв, я прижал его к себе и поцеловал его в лоб. , и укачивала его, пела ему, плакала над ним. А потом, позже в тот же день... Клод и я похоронили его».

Иви вздохнула и некоторое время молчала, прежде чем наконец продолжить.

«Я была так благодарна медику и медсестре. За то, что они сделали то, что сделали. За то, что они не просто забрали у меня сына. Что они позволили мне увидеть его и попрощаться с ним. виновный.»

— Виновен, почему?

«Из-за... того, что я сказал в тот первый день. Что я не хотел его. Что я хотел, чтобы он ушел». При этом Геральт услышал рыдания Эви.

— Геральт... я... я проклял своего сына? Он умер из-за меня? — спросила она, когда падали слезы.

Ведьмак крепко держал ее.

«Нет, Иви. Нет, ты этого не делала. Проклятия не так работают. Ты не проклинала своего сына».

При этом последняя решимость Иви угасла, и она просто заплакала. Она вскрикнула, а ведьмак прижал ее к себе и лишь нежно покачал. Он крепко держал ее, и его сердце разрывалось за нее. Ему хотелось бы знать, что делать, что можно сказать, чтобы улучшить ситуацию. Но он не знал. Поэтому он просто держал рот на замке и держал ее.

Минут через десять он заметил, что она наконец успокоилась, что ее дыхание нормализовалось.

«Я хотел бы задать вопрос, но не хочу лишний раз вас расстраивать».

«Нет, со мной все в порядке. Что ты хочешь знать?»

«Является ли смерть Жюльена причиной вашего развода с Клодом?»

Эви покачала головой. «Если так, то только косвенно. Настоящая причина, по которой мы развелись, была просто из-за меня». Она глубоко вздохнула, прежде чем продолжить. «После того дня было бы правильно, если бы мы с Клодом обратились друг к другу. Утешали друг друга, ободряли и поддерживали друг друга. И поверьте мне, Клод старался. Но правда в том, что даже после всего что я все еще не любила его. Если бы мы не провели ту ночь вместе, я бы никогда не вышла за него замуж. Поэтому вместо того, чтобы обратиться к нему, я посвятила себя учебе, а затем и работе, чтобы отвлечься. Я начал соглашаться на работу, которая приводила меня к далеким местам археологических раскопок на месяцы. В конце концов мы просто разошлись. Я никогда не спрашивал, но я думаю, что в конечном итоге у него завязался роман».

"Что заставляет вас думать, что?"

«Потому что он снова женился менее чем через месяц после того, как мы развелись. Но знаете что? Я не виню его. Я фактически бросила его. Он заслуживал гораздо лучшего, чем я. моей жизни.» В этот момент она посмотрела вниз. — Ты думаешь обо мне хуже?

Ведьмак медленно покачал головой. «Если бы я это сделал, это было бы лицемерием. В моем прошлом полно таких отношений – ну, за исключением брака и беременности. И кажется, что я всегда уходил, всегда причинял боль другому. Так что... мы все совершаем ошибки в жизни. Нам всем не хватает белого образа того, какими мы хотели бы себя видеть. Были времена, когда мне было так противно самому себе, что, просто поймав свое отражение серебряным лезвием, я съёжился. Я думаю, что... неспособность оправдать наши собственные ожидания – это основное состояние человека. чертовски важно не повторять ту же ошибку снова». «Я сейчас изо всех сил стараюсь не совершить с тобой тех же ошибок», — подумал ведьмак.

Эви кивнула головой. «Да. Я написала Клоду через год после того, как мы развелись, прося прощения. Он был невероятно любезен». Помолчав, она посмотрела на ведьмака, и на ее глазах снова навернулись слезы. «Спасибо, Геральт. Не думаю, что смогу вынести, если ты...» И тут по ее щеке скатилась слеза. «...если бы ты перестал смотреть на меня так, как сейчас». С этими словами она снова посмотрела вниз.

Геральт протянул руку и положил ей под подбородок. Он нежно поднял ее голову и сказал: «Иви, посмотри на меня».

Она подняла глаза и увидела на его лице добрую улыбку – улыбку, которая дошла до его глаз.

Затем она увидела, как он наклонил голову набок, как будто сосредоточился на чем-то слушающем.

"Что это такое?" — спросила она, внезапно забеспокоившись.

Он покачал головой. «Ничего. Просто утренние пташки. Похоже, мы проговорили всю ночь. Рассвет почти наступил».

ooo

Внутри небольшого дворика эльфийского дворца внезапно появился портал, из которого вышла Филиппа Эйльхарт.

ooo

«Вчера днем к тебе приходили Лидиал и Баркейн, но не хотели тебя будить», — сказал Геральт. «Вы говорили с ними о том, почему мы здесь – о фолианте и Мече Разрушения?»

«Пока нет. Из-за всего, что происходило в последние два дня, время никогда не было подходящим. Сперва цирнубауг, а затем призрак, я даже не хотел упоминать что-либо еще. Что я должен был сказать: «И, ох, кстати, в любой момент к тебе могут приехать и Чёрные, которые будут тебя допрашивать и пытаться».

«Да. Что ж, как насчет того, чтобы отправиться туда сейчас и обсудить это с ними? Чем раньше мы сообщим им об этом, тем скорее мы сможем придумать наш следующий шаг».

— Ты торопишься уйти?

«Честно говоря, да. После того, что я увидел в том дворце, мне не нравится здесь находиться. Я

хочу уйти как можно дальше от Франчески».

«Хорошо. Я понимаю. Я буду готова, когда ты будешь».

— Вообще-то, иди вперед. Мне нужно позаботиться о нескольких «ведьмачьих» делах. Я скоро спущусь.

Она посмотрела на ведьмака. Она могла сказать, что его что-то беспокоило, но, возможно, он сказал именно то, что хотел поскорее уйти. Честно говоря, после того, что она увидела вчера, она не винила его.

«Ну... ладно. Увидимся через некоторое время».

Когда Эви выходила из пещеры, ведьмак заметил, что она спугнула черную птицу, сидевшую у входа. Он улетел и не вернулся.

ooo

— Что ж, это интригующая история, Филиппа, — сказала Франческа, приподняв бровь.

"И?" ответила Филиппа.

«Но меня это просто не интересует. Моя цель — обеспечить выживание Эн Сейдхе. Эта женщина и то, что она знает, не играют в этом никакой роли. Она незначительна. Поэтому, когда появится этот Малек, я просто передам она закончилась».

Филиппа закатила глаза за затемненными очками и разочарованно вздохнула.

«Разве никто не видит важности этого?» - сказала она вслух, но в основном про себя. «Эмгыр окружен со всех сторон. Радовид с одной стороны, темерские повстанцы с другой. Дворяне его собственной Империи хотят узурпировать его. Не говоря уже о купеческих гильдиях, которые просто устали от этой войны. Из этих врагов Эмгыр сосредоточен на ней. Значит, она, должно быть, жизненно важна».

— Итак, что именно ты говоришь?

«Что, если она владеет или знает ключ к какой-то великой силе, позволяющей дать Эн Сейдхе возможность получить свободу, о которой вы всегда мечтали?»

Филиппа понятия не имела, правда ли это, а даже если и так, она ни в коем случае не позволит никому, кроме себя, обладать им. Однако сейчас ей просто хотелось получить поддержку эльфийской королевы.

Снисходительная улыбка скользнула по лицу Франчески. «Пожалуйста, Филиппа. Похоже, твое отчаяние довело тебя до полетов фантазии и сказок.

Филиппа некоторое время молчала. «Очень хорошо. Если женщина тебя не интересует, то делай это по другой причине».

«О, да? И что бы это было?»

«Наконец-то мы смогли избавиться от этого надоедливого ведьмака».

На этот раз на губах королевы появилась более искренняя улыбка. « Меня это действительно

интересует. И я знаю, где они находятся».

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3414146>